

Константин Федин

Маршал Жуков

Свой воинский путь Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков начал три десятилетия назад, во время первой мировой войны, в 1915 году, когда он 19-летним юношей был призван в армию и очутился в 10-м драгунском Новгородском полку.

Мог ли тогда молодой драгун думать, что, едва сел в кавалерийское седло, решилось его будущее и судьба открыла перед ним далекую, прямую, неуклонную военную дорогу? Едва ли. Был ли он доволен, что стал солдатом? Скорее всего — да, потому что с призывом в армию решительно и сразу менялась его жизнь, которая была не просто трудна, а тяготила и мучила его иной раз нестерпимо.

...Еще мальчиком попал он прямо из своей родной Стрелковки в Москву, к дяде, богатому скорняку, державшему мастерскую в центре города. Мать отправила деревенского мальчика к своему почтенному братцу, к хозяину, в обучение ремеслу и отдала сына в полное распоряжение, собственность дядюшки.

Пожадуи, в этот день и кончилось детство для Егорушки (он родился на осеннего Егория, в ноябре, и дома звали его по-народному — Егором, Егорушкой). Теперь только вспоминалась мальчику светлая речка Протва, да калужские перелески, да узкая полоска поля, исхоженная следом за бороной и плужком, да изба, где у окошка сиживал за сапожными поделками покойник отец, да везды на подводе с матерью в Малоярославец, откуда она возила со станции по округе грузы за пятак с пуда. Все было в прошлом.

Уже не крестьянские заботы и не деревенские радости окружали мальчика. Ему едва пошел двенадцатый год, а хозяин впрягал в такое ярмо, какое не под силу и каждому взрослому. С шести утра до двенадцати ночи — работа, сон на цементном полу, побои на всяком шагу. Бил сам хозяин, били мастера-скорняки, били подмастерья. Другого языка словно и не было: пинок да затрещина...

Сейчас, рассказывая об этих давних днях учения, маршал Жуков вглядывается в картину московского быта сурово и будто удивленно: было ли это? Да, было.

И вдруг его сжатые брови расправляются, быстрая улыбка вспыхивает в глазах, и он вспоминает увлеченно:

— Выпадал, правда, и хороший часок. Пошлет хозяин отвести меха заказчику, куда-нибудь в Замоскворечье. Даст пятак на конку. Я вваю мешок с товаром на спину — и пешим ходом за Москву-реку. А пятак — на книжку. Помните, тоненькие такие книжечки продавались у газетчиков по пятаку? Приключенческие разные истории, вроде Шерлока Холмса или Ника Картера? Очень я любил такие истории...

Подрастая, мальчик все мечтал поступить на какие-нибудь курсы учиться. Пробовал и не раз начинал заниматься с детьми хозяина, своими двоюродными братьями, которые ходили в реальное училище.

Упорные попытки учиться кончились, впрочем, тем, что подросток сдал экстерном экзамены за городскую школу. Как было найдено время на подготовку, откуда бралось оно на чтение книг — об этом знают только короткие ночи, дававшие на мгновение ощущение внутренней свободы за нерушимой хозяйской решеткой.

Так протекли четыре с половиной года в учениках, три года в подмастерьях, и вот Георгий Жуков уже не скорняк, а драгун.

...В кавалерии новичок выделяется, и его зачисляют в унтер-офицерскую учебную команду.

— Я был первым номером в команде из двухсот сорока человек, — рассказывает маршал, — и скоро получил звание вице-унтер-офицера, ефрейторов в кавалерии не было. В шестнадцатом году в этом унтер-офицерском чине попал на Западный фронт. Драться привелось в районе Молодечно — Свенцьяны. Там я и приобрел свое первое знакомство с немцами...

Эти слова маршал говорит немного помедленнее, хотя речь его вообще нетороплива, очень сжата, непринужденна, без подыскания слов, из простых и отчетливых определений. Он произносит помедленнее и с улыбкой эти слова — о первом знакомстве с немцами, и они звучат совсем особенно в его берлинском рабочем кабинете, где я слушаю рассказ о жизни бывшего драгуна, имевшего в будущем столь решающее влияние на участь всей немецкой армии.

Я вижу перед собой человека отличной военной выправки, идущей от доброй посадки кавалериста, свободной и легкой. Коренастость фигуры не производит впечатления полноты или грузности. Но ее крепость и слаженность словно увеличивают невысокий рост. Жест большой, с резкими границами в начале и в конце. Очень хорош этот жест, когда показываются, иллюстрируются военные операции — все эти прорывы, заходы, отсечения, и тогда видно, что жест идет от приказа. Голова выразительная — с крупным подбородком, прежде всего бросающимся в глаза, с выпуклым и поднятым вверх лбом. Все черты лица сильные, вырезанные без ошибок и смело, без подробностей — с одного раза. Но улыбка мягкая, как у людей, которые знают, что она действует убедительнее силы.

С этой улыбкой маршал вспоминает ранние солдатские свои действия на немецком фронте первой мировой войны:

— Я увлекался больше всего разведкой. Как-то более романтично, знаете ли. Был большой специалист по захвату пленных. Неплохо доставал «языка». Но участвовал и в боях. Приходилось. Даже награжден был — Георгием третьей и четвертой степени. Были еще две медали — Георгиевские тоже...

В 1916 году Георгий Константинович получил ранение на румынском фронте, из госпиталя зачислен в резерв, после чего попал в маршевый эскадрон запасного полка. Здесь открылась новая полоса его биографии...

— Меня послали делегатом от эскадрона в совет. Не потому, что был политически подготовлен — я тогда еще в партиях не разбирался. А просто потому, что хорошо знал солдатскую жизнь. Как члена совета меня избрали еще председателем эскадронного комитета. Это было началом моей общественно-политической работы. Стояли мы с эскадронном на станции Балаклея, на Украине. Там это все и протекало...

В 1918 году Георгий Константинович поступает добровольцем в Красную Армию. Он — отделенный командир в 4-м кавалерийском полку Первой Московской кавалерийской дивизии. Одну за другой проходит все ступени младшей командирской службы и в 1919 году, на Восточном фронте получает первое офицерское звание и взвод. В конце года его перебрасывают под Царицын... Тут, в селе Бактеяровка, молодого командира ранило второй раз.

— Я был в головной засаде. Поторопился. Хотелось сбить противника, бросился раньше времени. Из-за плетня какая-то дрянь выстрелила из пистолета да вдобавок швырнула ручную гранату. Пуля попала вот сюда, пониже плеча, а осколки угодили в ногу. Привезли меня в госпиталь на станцию Владимировка. Смотрю, в госпитале трупы: тиф. Ну, думаю, тут пропадешь! Стал добиваться, чтоб перевели куда получше... Повезли в Красный Кут, потом — в Саратов. Тут было лучше, конечно. Но тифом я все-таки заболел! Получил отпуск. Думаю — поеду к матери в деревню, поправлюсь. Приехал, а тут вместоправки — возвратный тиф! Очень я тогда истощился...

Понемногу поправляясь после ранения и двух тифов, Георгий Константинович задумывает учиться. Казалось, подходящий момент. Однако на командирских курсах, куда он поступает, ему пришлось пробыть всего три месяца. Да и это короткое время он больше учил, чем учился. Поскольку едва на курсах заметили, что у него хороший военный опыт, что он примерно знает уставы, военную и строевую подготовку, как его поставили обучать курсантов, и уже было маловато времени заниматься тактикой и топографией, которыми хотелось овладеть.

С курсантской бригадой он попадает на врангелевский фронт и становится командиром эскадрона. Затем после освобождения Крыма — на борьбу с бандами Антонова в Тамбовскую губернию. Тут он впервые получает должность помощника командира, а потом и командира полка.

О своих трудах полкового командира маршал Жуков до сих пор отзывался с любовью:

— Я очень много получил, командуя полком. Ведь полк — это уже часть, в его хозяй-

стве есть все, начиная от штаба, и все очень наглядно, близко для управления, рукой подать. Самая плодотворная школа моя была в полку. Я прокомандовал семь лет 39-м полком седьмой кавалерийской дивизии. Это в конном корпусе Тимошенки. Полк мой был передовым, на смотрax всегда выдвигался как образцовый.

И будто желая смягчить высокую оценку, невольно данную своему первому любимому дитячу, Георгий Константинович весело смеется:

— Всегда ведь надо по кому-нибудь равняться. Равнялись по моему полку...

Вслед за такой длительной и требовательной школой полкового начальника перед ним почти на целое десятилетие, начиная с 1930 года, звено за звеном развертывается цепь строевых командных должностей. Это уже высшие, генеральские должности, подготовка к которым накапливалась не только военной практикой, но и теоретическими занятиями: за истекшее время командир прошел Высшую кавалерийскую школу и курсы командного состава при Военной академии Красной Армии. Он мог уже свободно брать на себя возрастающую с каждой ступенью ответственность — командира бригады, заместителя инспектора кавалерии по боевой подготовке, командира дивизии в составе знаменитой Первой Конной армии, потом — командира 6-го казачьего корпуса, наконец, заместителя командующего войсками Белорусского военного округа.

Наступает 1939-й — год испытания зрелости военачальника и год его вспыхнувшей славы: Георгий Константинович Жуков получает назначение командовать Первой армией с задачей разбить японскую военщину, дерзко выступившую против Советского Союза и дружественной Монголии на реке Халхин-Гол.

Рассказ маршала о том, как была ликвидирована авантюрная попытка японцев потягаться силами с Красной Армией, захватывающе драматичен, несмотря на свою деловую строгость.

— А как вы в результате столкновения расцениваете японскую армию? — спрашиваю я.

— Японский солдат крепок. Фанатически стойкий, наученный беспрерывно повиноваться. Вот вам пример. Раз мне докладывают, что поймали японского разведчика. Приказываю доставить его ко мне. Приводят огромного детину-солдата. Смотрю — у него лицо и руки превратились в сплошные волдыри. Что с ним такое? Комары искушали. Оказывается, офицер привел его в секрет, велел лечь, наблюдать и не двигаться. Он и не двинулся ни разу, не согнал ни одного комара, пока его наши не захватили. Или вот еще пример...

Маршал берет листок бумаги, свободным росчерком чертит два концентрических овала, ставит накрест четыре точки. Это так называемая сопка Ремизова, массив скалистых возвышенностей, превращенный японцами в крепость... В четырех накрест расположенных точках сидело по японцу — вахмистр, унтер-офицер, два рядовых. Каждая точка была неуязвима ни с воздуха, никаким другим огнем. А из этих точек простреливалась вокруг вся местность. И вот пока случайным попаданием не был выбит один японец и наши не ворвались в окопы, нельзя было никакими силами взять эту сопку.

— Хорошие солдаты, — одобряет мар-

шал. — А командование японское никуда не годится. Рутинеры, формалисты. Готовясь к делу, мы хорошо разведали привычки командиров. Они имели слабость в определенный час ездить в Хайлар — маленький городок. Там у них жены жили и все такое. Вот я этот час и выбрал для наступления. Удар был совершенно внезапный и сокрушительный. И что характерно: уже попав в окружение, ни один японский генерал не попытался из него выйти. Не сумели организовать прорыва...

— Да, — немного помолчав, заключает Георгий Константинович, — рутинерство — вещь опасная... Я думаю, Халхин-Гол отрезвил японцев. Они признавались, что не думали увидеть у Красной Армии такую технику. Видно было, получили хороший урок. И урок этот — одна из причин, почему Япония не выступила против нас в войне. Не единственная, конечно, причина, но одна из причин...

Операция на Халхин-Голе была настоящим рождением полководца. Имя Жукова делается известным всей Красной Армии, всей нашей стране. Ему присваивается звание Героя Советского Союза. Перед ним открыт простор, отвечающий таланту большого военного деятеля.

В мае 1940 года его впервые вызывает Сталин, и он назначается на новый командный пост. В январе 1941-го его опять приглашает Сталин, и Жуков получает вдруг новое назначение — начальником Генерального штаба Красной Армии. Хотя он — строевой командир и должность кажется ему неожиданной, хотя ему представляется, что он мало знаком со сложнейшей штабной работой, с особенностями ее техники, и он признается в этом с военным прямотоном, но он не может не занять поста. Однако новой работе не суждено было длиться долго.

Началась Великая Отечественная война с гитлеровской Германией.

Когда рассказ дошел до этого места, маршал внезапно улыбнулся и проговорил с неподдельным облегчением:

— Ну, пожалуй, и все. Остальное уже известно...

И правда, остальное известно. На весь Советский Союз и на весь мир прозвучали победы наших армий и фронтов над фашистами. Известны стали имена многих высших командиров, и среди них — полководца Жукова. Его имя сделалось национальной, русской, советской гордостью. Его заслуги возросли до общенационального значения. Они признаны как самые выдающиеся... Одно перечисление выигранных Жуковым битв, освобожденных от врага и завоеванных у врага городов и крепостей заняло бы слишком много места, достойная оценка хотя бы только главных его операций потребовала бы военных знаний, на которые не может претендовать простой очерк жизненного пути блистательного командира.

Но несмотря на то что «остальное уже известно», рассказ продолжается, чем дальше, тем больше приобретает в драматизме, богатстве фактами и в подлинной живости, свойственной человеку, отдающему себя своему призванию без остатка.

Рассказ продолжается, он, естественно, приходит к концу, и в конце повторяются те же слова облегчения:

— Ну, кажется, теперь уже все...

Но вот еще маленькая пауза, нахмурен-

ные и потом вдруг разжатые и поднятые брови, и — нечаянное признание:

— Знаете, я недавно подошел к карте, повел по ней глазом и думаю — а ведь вряд ли найдется место, где я не был! Шофер мой — хороший гонщик-мотоциклист Бучин — насчитал, что я с ним 175 000 километров наездил за войну. Это выходит сколько раз вокруг света? А я ведь не с ним одним ездил... Да сотни часов налетал на самолетах. Три самолета еносились. Как башмаки... Это — не считая Монголии.

Такая насыщенность работы передвижениями происходила по нескольким причинам. Во-первых, потому, что маршал Жуков никогда не изменял своей потребности лично и как можно подробно проверить готовность армий, частей к выполнению операции. Во-вторых, потому, что в эту гигантскую войну, как никогда прежде, большие сражения требовали тщательного согласования действий — целых фронтов, с их разнообразными родами оружия, с глубокими тылами, с фантастически быстрыми маршами механизированных войск, а именно маршалу Жукову необычайно много приходилось руководить координацией действий. В-третьих, потому, что чаще, чем какому-либо другому полководцу, ему довелось менять место из-за новых и новых назначений, получаемых от Верховного Главнокомандования.

Едва немцы обрушили на нас предательский удар на огромном пространстве от Балтики до Черного моря, как Сталин направляет Жукова в Киев. «Молниеносное» наступление на Украину, рассчитанное гитлеровским штабом, срывается упорными контрударами советских войск. При Бродях Жуков дает грандиозное танковое сражение, выводит у немцев из строя более двух тысяч машин и останавливает противника, который не может двинуться с места в течение двенадцати дней...

Речь заходит о защите советской столицы: наша оборона Москвы оказалась в трудных условиях, немцы взяли Смоленск, надо было остановить врага во что бы то ни стало. Под Рязанью создается в эти недели под командованием Георгия Константиновича Резервный фронт, там есть силы, и командующий признается, что был большой соблазн снять оттуда и перебросить на Западный фронт свежие части. Но полководец не должен поддаваться соблазну. На Западный фронт стягивается решительно все, что можно было найти, но резервы остаются неприкосновенны. Разрабатывается контрнаступательная операция, и вскоре семь вражеских дивизий и танковый корпус СС подвергаются уничтожающему удару Красной Армии и полностью проигрывают битву, которая входит в историю Отечественной войны как победа под Ельней, как ободряющее, радостное свидетельство боеспособности наших войск даже во время наиболее тяжелых испытаний.

Положение на Смоленском плацдарме закрепляется, расчеты немцев спутаны, они вынуждены остановить свое наступление на Западном фронте.

В эти дни Сталин опять призывает вновь отличившегося полководца: одновременно на юге и севере, на Украине и у стен Ленинграда создавалась крайне напряженная обстановка.

— Куда бы вы поехали? — спрашивает Сталин.

— Где более безнадежно? — отвечает во-просом маршал.

— В Ленинграде. Возьметесь?

Жуков вылетает в Ленинград. К этому моменту противник уже развертывал свой фронт вокруг столицы Севера, заняв Гатчину и город Пушкин, готовясь выкатить орудия на Пулковские высоты. Это был буквально миг истории, миг, в который решалось движение событий на долгие годы вперед.

Маршал Жуков прежде всего непоколебимо упрочил основное решение: город не будет отдан. Предприятия не будут взорваны. Суда в заливе и в Неве не будут затоплены. Все силы — на защиту Ленинграда!

Отдаются приказания одно другого решительнее. Морская артиллерия должна обстреливать с кораблей движущиеся на побережье танки и пехоту противника. Противовоздушная оборона меняет свои функции: зенитки бьют прямой наводкой по немецким танкам. Формируются курсантские бригады. Наконец делается отважнейший шаг: несколько крупных соединений снимается с Карельского перешейка в уверенности, что финны наступать на будут.

Меры оправдывают себя. Под Пулковом Красная Армия дает сражение. Враг остановлен, ворота великого города неприступны для него...

К маршалу Жукову обращен новый зов. Западный фронт ждет командующего, чтобы приготовиться к первому великому русскому наступлению в Отечественной войне. Приходит декабрь. Приходит разгром немцев под Москвой. Приходит новый взлет полководческой славы...

Начиная со следующего года в эпическом нарастании событий дни и ночи маршала заняты разработкой важнейших операций на юге и на севере, в центре и на флангах бесконечно длинной линии одного фронта войны.

Известно, что Сталинград явился переломной исторической битвой, после которой вся линия фронта уже нигде не подалась на восток, а все время отжималась к западу. У немцев была выбита из рук инициатива, и самые отчаянные попытки их вырвать ее назад — например, в Орловско-Курской дуге — кончились их поражением.

— Каюсь, — улыбается Георгий Константинович, говоря о Сталинграде, — и тут я принимал участие...

Это участие состояло в согласовании действий сталинградских фронтов, в организации сначала обороны, потом знаменитого наступления.

Масштаб операций растет и растет. Нащупываются и разбиваются уязвимые места противника, его румынские, итальянские звенья.

И к этому времени — к началу 1943 года — мы вдруг видим маршала там, где он заслужил свою маршальскую звезду, — под Ленинградом. Прорыв блокады, давший возможность прочно соединить героический город с Большой землей, был делом Георгия Константиновича.

— Надо было, — говорит он, — прорубить дверку, проложить дорогу к Ленинграду. Это было сделано.

Затем следует великий ряд теперь уже звучных, прославленных битв, означающих победоносное развитие и — в конечном итоге — выигрыш войны. Орел, Курск и Белгород,

Харьков, Полтава, Кривой Рог. После ранения другого талантливого полководца — Ватутина — Первый Украинский фронт. Далее — подготовка операции на расщепление балканской группировки. Подготовка — вместе с маршалом Василевским — освобождения Белоруссии. Координация действий Белорусских фронтов. Затем — Висла, Варшава, Познань, Одер, Померания.

Да, нетрудно сделать это перечисление, нетрудно закончить его словом, выражающим Победу: Берлин! Но как неизмерима воля народа, проявленная в достижении этой победы, и какова должна быть воля тех, кто победу организовал!

Говоря о Берлине, об этой несравнимой ни с чем битве по концентрированности и мощности удара, маршал характеризует ее одной цифрой:

— Удалось сосредоточить свыше шестисот орудийных стволов на один километр фронта. Представляете себе, что это такое? Когда до Берлина при прорывах фронтов мы собирали на километр редко более двухсот стволов...

Вот каким образом наезжено маршалом Жуковым 175 000 километров и вот почему «сносился» три самолета за годы войны. Вся его деятельность этих лет была неустанным движением — в прямом и переносном смысле.

Каковы же важнейшие черты стиля маршала Жукова как военачальника и стратега?

В рассказе маршал, иногда без всякого намерения и совсем непроизвольно, мимоходом, иногда сознательно, с повторением, выделял особенности приемов своего военного руководства.

Так, он несколько раз отмечал значение внезапности в операции. Примером такой внезапности может служить выбор времени и час наступления на Халхин-Голе. Или выбор места наступления в одной из белорусских операций, когда Красная Армия проникла в тылы немцев из совершенно неожиданного места — с болот, причем танками!

— Это была настоящая «инженерная» операция, — определил Георгий Константинович. — Все было подготовлено так, что каждый пехотинец, каждая машина, орудие, повозка имели с собой все, чтобы класть гати. Немцы были совершенно спокойны за этот участок, болота слыли непроходимыми. Когда мы ударили, немцы ничего не могли понять. А когда опомнились, было поздно...

Подготовка внезапных действий связана с работой разведки, и тут невольно вспоминаешь, что ведь эти работы еще в солдатские свои дни маршал любил за «романтичность» и сейчас, разумеется, считает ее еще более драгоценной для военного дела.

Чрезвычайно интересно маршал говорил о предвидении.

В первом своем большом столкновении с наступавшими на Украине немцами, под Бродами, и на других участках этого фронта маршал выправлял положение, опираясь на свои расчеты, сделанные еще в бытность командующим Киевским военным округом — в сороковом году. Немцы повели свое наступление именно по тому плану, какой предполагал Жуков, и соответственно расставленные силы Красной Армии достойно встречали противника.

В 1943 году в великой летней битве на

плацдармах Курск — Белгород — Орел маршал разгадал заранее, где пойдет противник.

— Я хотел убить двух зайцев и — убил. Я решил построить оборону так, чтобы не только подготовленно встретить наступление немцев, но и перейти в контрнаступление без перегруппировок армий, чтобы позиции обороны могли стать исходными позициями контрнаступления. У нас оказалось от 70 до 80 стволон на километр, на большую глубину. У немцев было столько же. Но одна пушка в обороне равна двум пушкам в наступлении: она окопана, защищена, она занимает наиболее выгодную позицию. В результате мы оказались сильнее в два раза. Мы выиграли бой в обороне, перешли в наступление и выиграли его в наступлении...

Огромное значение маршал придает фактору времени. Внимательно слушая его рассказ, я замечал, что очень часто, резюмируя описание тех или иных действий, он говорит: «на операцию потребовалось два дня», или «операция была подготовлена в две недели», или «на перестройку фронта потребовалось столько-то»...

Декабрьская битва под Москвой дает ему повод высказаться о другом факторе успеха — об использовании преимуществ перед противником, или — что то же — его слабых мест. Под Москвой была использована неприспособленность германской танковой армии к зимним условиям. При 15 градусах мороза в немецких танках, работавших на дизелях, замерзло масло.

— В одном месте, на поле боя, — рассказывает маршал, — мы захватили сто танков, которые не могли быть завезены. Мы взорвали их. Танковая армия Гудериана была разбита.

Наконец, фактор решительности. Риск, основанный на понимании чувства обстановки, — черта, глубоко свойственная маршалу Жукову. Примеров тому можно найти много.

Когда в сорок пятом году Первый Белорусский фронт, которым командовал маршал, вышел в район Познани, соседние фронты справа и слева значительно отклонились в стороны. Что было делать? Ждать, когда линия выпрямится? Двигаться вперед рискованно: немцы лихорадочно готовили ударную группу в Померании, возникла опасность с севера. Но было весьма важно захватить плацдармы за Одером. Жуков принимает это решение. Он быстро движется вперед, захватывает позиции на левом берегу Одера, выделяет после этого две танковые армии и перебрасывает их на север. В несколько дней померанская группировка немцев разгромлена.

Этими чертами полководца не исчерпывается его военное искусство. Но их сочетанием, кажется мне, рисуется один из наиболее блестящих характеров, выдвинутых событиями Отечественной войны в первый ряд военачальников Красной Армии. Внезапность действия, предвидение, распознавание намерений врага, постоянный учет времени, использование преимуществ, решительность — вот качества, выработанные советской школой водительства войск, качества, которые можно изучить, вникая в военную биографию маршала Жукова.

Неустанный воинский труд требует от человека высшей самодисциплины. И примечательны слова маршала, заканчивающие его рассказ о своей жизни:

— Иной раз на фронте приходилось спать не больше двух часов. А надо, чтобы все время работал ум. Что делать? Возьмешь лошадь, проскачешь минут сорок, вспотеешь и — под душ. Опять свежая голова. Утром — физзарядка. На фронте хорошо, потому что — чистый воздух. Очень много значит, когда чистый воздух...

И, пристально вглядываясь в лицо Георгия Константиновича, в его свободную и сильную осанку, я повторяю про себя эти слова — что надо, чтобы все время работал ум, и что много значит, когда чистый воздух, — и думаю, что эти слова сказаны верно.

Только убежденный в этой мысли человек мог создать свою жизнь такую, какую она создана. С этой мыслью пройден удивительный победный путь, приведший крестьянского мальчика с веселой русской речки Протвы в берлинский рабочий кабинет Маршала Советского Союза.

(Очерк Константина Федина перепечатан из «Литературной газеты» от 6 мая 1981 года)